

(профессор сравнительной истории славянских литератур университета в Брно), имеющего немалые заслуги и в области народной словесности.

Из статей по музыкальному фольклору большой интерес представляет работа С. Бурласовой «Музыкальный фольклор с. Хорватский Гроб и проблема этнического рассеяния» (№ 1—2)⁷. Проблему «этнического рассеяния» автор изучает на примерах хорватских сел в Словакии (около Братиславы), где еще с середины XVI в. осели хорватские колонисты, которые впоследствии были ассимилированы словаками, особенно в тех пущах, где хорватское население было в меньшинстве. В XIX в. в таких селах хорватский язык был уже забыт. Однако там, где преобладало хорватское население, его родной язык сохранился до настоящего времени. В одном из таких пунктов — с. Хорватский Гроб — в 1922—1924 гг. вели этнографическую полевую работу А. Вацлавик и И. Черник. Автор статьи, также исследовав музыкальный фольклор этого села и сравнив свои записи с материалами прежних исследователей, приходит к интересным выводам. Из восьми бытовавших в 1924 г. хорватских песен две широко известны и сейчас, две — распространены слабее, а остальные забыты. Изучение мелких этнических групп, окруженных другими этническими массивами, даст возможность исследовать проблемы культурных взаимовлияний и процессов рассеяния и ассимиляции малых этнических групп. Такое изучение будет, по мнению автора, содействовать развитию сравнительной славянской и даже европейской фольклористики.

В журнале имеется раздел «Архивные материалы», где помещаются публикации по истории народной культуры и быта словаков. Особый интерес представляют публикации в 1958 г. И. Маркова «Этнографические данные об области Верхнего Грона XVIII и начала XIX века в.» (№ 4) и П. Хорвата «Материалы по истории народной архитектуры в бывшей Братиславской жупе в конце XIX в.» (№ 5).

В специальном разделе журнала — «Этнографическое музееведение» помещены статьи о конференции Союза словацких музеев, об этнографических выставках в Братиславе и Кошице, а также информации об этнографических собраниях и новых пополнениях словацких музеев.

Хорошо ведется раздел рецензий и библиографии, где освещаются работы как чехословацких, так и зарубежных этнографов. В 1958 г., как и в предыдущие годы, в журнале рецензировались работы советских этнографов и фольклористов. Высокую оценку получила книга В. И. Чичерова «Зимний период русского народного календаря XVI—XIX вв.». Положительно оценены также сборник «Закарпатские народные сказки Андрея Калины», изданный в Ужгороде в 1957 г., и статья П. В. Линтура об этом сказочнике, помещенная в т. XXIV «Научных записок» Ужгородского университета. Журнал прорецензировал также сборник «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX в.», вышедший в 1955 г.

Оценивая журнал в целом, нужно отметить в первую очередь глубокую разработку различных вопросов этнографии и фольклористики. К сожалению, объективно получилось так, что журнал уделяет больше внимания прошлому, чем настоящему. Бросается в глаза отсутствие статей о современном быте, о процессе формирования социалистического быта и культуры словацкого народа. Несмотря на успехи словацких этнографов и фольклористов в изучении рабочего класса Словакии, журнал в 1958 г. не поместил ничего о рабочем быте.

Растущий и крепнущий коллектив словацких этнографов несомненно может решать большие задачи, которые стоят перед этнографической наукой в период социализма, и журнал должен стать его боевым органом.

А. Я. Порицкий

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Переднеазиатский этнографический сборник. 1. Редакторы О. Л. Вильчевский, А. И. Першиц. «Труды Ин-та этнографии АН СССР». Нов. серия, т. XXXIX, М., 1958, 336 стр.

Велика роль народов Передней Азии в развитии человеческой культуры. В Передней Азии возникли и развивались древнейшие государства, являвшиеся наиболее передовыми для того времени. В настоящее время страны Передней Азии привлекают к себе всеобщее внимание борьбой народов за национальную независимость против остатков разваливающейся колониальной системы империализма. Изучение народов Передней Азии, их этнического состава, расселения, культуры и быта в прошлом и настоящем помогает лучше, всесторонне понять обстановку, сложившуюся в этом важном районе земного шара, и поэтому представляет большой интерес для исследователя.

Рецензируемый «Переднеазиатский этнографический сборник» — первый изданный Институтом этнографии Академии наук СССР сборник, посвященный народам стран Передней Азии. В его статьях содержится много нового интересного материала по затрагиваемым вопросам. Некоторые статьи (например, статьи И. М. Дьяконова и С. И. Брука) являются вообще первыми сводными работами, дающими представление о состоянии изученности рассматриваемых там проблем.

⁷ Статья представляет собой реферат, прочитанный на Международной конференции фольклористов, состоявшейся в 1957 г. в Югославии.

Открывающая сборник статья И. М. Дьяконова «Народы древней Передней Азии», как отмечает сам автор, носит справочно-обзорный характер, в основном за время с 3200 по 500 г. до н. э. В статье содержится много ценных сведений о шумерах, эламитах, хурритах, урарту и близких к ним народах, а также о семитоязычных племенах и народностях. Автор располагает приводимые им сведения по следующим темам: названия народов и их расселение; историческая справка; данные об антропологическом типе, о языке и письменности; производство; материальная культура; община, род и семья; верования; народное творчество. Приводится важнейшая литература по рассматриваемым народам. Подробнее всего автор останавливается на языке и письменности народов древней Передней Азии. В вводной части статьи он отмечает, что этнические общности в древней Передней Азии «были, как правило, неустойчивы, границы распространения культурных и языковых признаков часто не вполне совпадали (или даже совсем не совпадали)», что «языковые общности, как и культурные, не совпадали с государственными и общинными границами». И. М. Дьяконов пишет, что при определении общности народов древней Передней Азии он берет за основу языковый критерий и группирует население древнего Востока по языкам. Но тут же он снова подчеркивает, что «этнические границы не совпадают с языковыми», что «языковая общность на древнем Востоке, как общее правило, не являлась сколько-нибудь существенным социально-политическим фактором» и что языковая преемственность часто не совпадала с культурной (стр. 5—7). Из сказанного можно сделать вывод, что вопрос о критериях общности народов Передней Азии до сих пор еще не выяснен в достаточной степени и требует дальнейшей разработки. По-видимому, по этой причине И. М. Дьяконов, давая в своем очерке описание отдельных народов, к сожалению, не приходит к определенным выводам, обобщениям, не выявляет закономерностей развития народов древней Передней Азии. Этот пробел не меняет нашего общего вывода о ценности очерка И. М. Дьяконова как первой, весьма полезной сводки материалов о народах древней Передней Азии.

В статье С. И. Брука «Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии» рассматривается население Турции, Ирана, Афганистана, Ливана, Ирака, Иордании, Израиля, Саудовской Аравии, Йемена, Маската и Омана, Договорного Омана, Катара, Бахрейнских островов, Кувейта, о-ва Кипр, Сирийского района Объединенной Арабской Республики и управляемой ОАР части Палестины (г. Газа с прилегающей к нему территорией), колонии Аден и протектората Аден. Автор дает краткую характеристику природных и хозяйственных особенностей стран и народов Передней Азии. Отмечается отсталый аграрный характер экономики этой части земного шара, слабое развитие фабрично-заводской промышленности, низкий уровень капиталистических отношений, захват важнейших природных богатств этих стран — нефтяных источников — американскими и английскими монополиями. В статье правильно указывается, что причина задержки развития производительных сил в странах Передней Азии — гнет империализма.

Характеризуя население стран Передней Азии, С. И. Брук отмечает их слабую изученность в этническом отношении. В работе дается критическая оценка статистических, картографических и литературных источников, приводятся данные об общей численности населения и его плотности по странам (табл. на стр. 81), о ежегодном приросте населения, о его религиозной принадлежности. Подчеркивая сложность этнического состава стран Передней Азии, автор отмечает, что подавляющая часть этих народов принадлежит к трем языковым семьям — индоевропейской, алтайской и семитской. Сложность этнического состава стран Передней Азии С. И. Брук объясняет в значительной мере их местоположением на перекрестке путей между Средиземноморьем, Средней Азией, Индией и Китаем (стр. 87). Далее излагаются изменения, происшедшие в этническом составе населения Передней Азии на протяжении VII—XX вв. н. э. В заключительной части статьи (стр. 93—107) дается довольно подробная характеристика расселения отдельных народов, а в конце ее — список литературы на русском и иностранных языках.

К статье приложены составленные автором карты — плотности населения и размещения народов Передней Азии, дающие наглядную и в основном правильную картину. К сожалению, на картах приводятся слишком ограниченные физические и политические географические данные, с которыми можно было бы связать показатели плотности населения и размещения народов, хотелось бы видеть здесь хотя бы центры и границы крупных провинций и областей. На картах имеются и некоторые неточности. Например, на карте народов Передней Азии дается преувеличенное представление о размерах территории, сплошь заселенной арабами в Хорасане (судя по карте, приблизительно половина этой территории населена сплошь арабами, что, конечно, не соответствует действительности). В статье этой имеются и другие неточности. Утверждается, например, что в Иране «длина железных дорог не превышает 2 тыс. км» и что автотранспортные пути получили значительное развитие лишь в Турции и на северо-западе Аравийского полуострова (стр. 77). Между тем, согласно заявлению министра путей сообщения Ирана, опубликованному в газете «Эттелаат» 14 июня 1958 г., длина железных дорог в этой стране составляет 3,5 тыс. км, а автотранспортные пути значительной протяженности имеются в Иране (около 30 тыс. км) и в Афганистане (свыше 10 тыс. км). На стр. 75 автор пишет, что «лишь в Турции, Израиле и Ираке имеется некоторое чис-

ло крупных предприятий». Это утверждение также не соответствует действительности: крупными предприятиями являются, например, Абаданские нефтеочистительные заводы в Иране, на которых работает несколько десятков тысяч рабочих. На стр. 95 автор справедливо пишет, что «современные турки в этнографическом и антропологическом отношении отличаются от других тюркоязычных народов». Здесь уместно было бы сказать о необоснованности и лженаучности пантюркистских утверждений. Ничего не говорит автор о шовинистической политике иранского правительства в национальном вопросе. Не касается он и патанской проблемы, хотя Афганистан входит в число стран, население которых рассматривается в данной статье.

Статья А. И. Першица «Патриархально-феодальные отношения у кочевников Северной Аравии (XIX — первая четверть XX в.)» написана в связи с обсуждением в январе — феврале 1954 г. вопроса о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов на Ташкентской объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Как справедливо отмечает А. И. Першиц в вводной части статьи, эта дискуссия «имеет большое значение также и для понимания социально-экономического положения той части населения Ирана, Афганистана, арабских стран Азии и Северной Африки, которая еще сохраняет кочевой или полукочевой быт» (стр. 110).

На основе данных главным образом западноевропейских и, в меньшей мере, русских путешественников, а также других источников и литературы (источники на арабском языке, к сожалению, автором не привлечены) А. И. Першиц исследует патриархально-феодальные отношения Северной и Центральной Аравии, т. е. тех областей, которые в основном входят в состав современной Саудовской Аравии. Он дает краткую историю расселения шаммарских и аназских племен, являющихся наиболее многочисленными племенными группами Северной Аравии. Автор описывает занятия, хозяйство и быт кочевников-верблюдоводов — бедуинов, составлявших большинство кочевых скотоводов Северной Аравии, полукочевников «швайя», у которых овцеводство и козоводство были основой хозяйства, а земледелие имело второстепенное значение, и «райя», у которых земледелие преобладало над скотоводством.

А. И. Першиц считает, что преобладание кочевого скотоводства над земледелием, несмотря на тысячелетний процесс оседания кочевников, объясняется двумя причинами. Главная из них, по его мнению, — «отсутствие на территории Северной Аравии сколько-нибудь значительных водных ресурсов, вследствие чего переходившие к овцеводству, а затем и к оседлому земледелию кочевые племена должны были выселяться в прилегающие к полуострову районы Сирии и Ирака» (стр. 121). Вторая причина заключалась во встречном процессе «перехода полuosедлых и оседлых арабов к кочевому верблюдоводству» (стр. 122). Определившееся в 1920-х годах массовое стремление к оседлому земледелию автор связывает главным образом с разразившимся мировым сельскохозяйственным кризисом, начавшейся заменой вьючного транспорта автомобильным (что привело к упадку кочевого скотоводческого хозяйства), а также с централизаторской политикой нового феодального Саудовского государства. А. И. Першиц отмечает, что возможность перейти на оседлость получили не все бедуины, многие из них вынуждены были из-за недостатка орошаемых земель заниматься, как и прежде, кочевым верблюдоводством. Многие кочевники стали обрабатывать помещичьи земли в качестве издольщиков. Часть их уходила на промыслы Аравийско-американской нефтяной компании (АРАМКО), где попадала в тенеты капиталистической эксплуатации.

В статье подвергаются критике утверждения буржуазной литературы о «полнейшем имущественном и общественном равенстве, свободе и демократии, царящих в кочевых племенах Аравии как в XIX, так и в XX вв.». На основании данных, приводимых путешественниками и западноевропейскими исследователями, А. И. Першиц показывает, что скот у бедуинов являлся частной собственностью, а земля и вода частью уже перешли в частную собственность, частью еще считались собственностью коллективной. Но и в последнем случае землями и колодцами фактически распоряжалась племенная знать. Шейхи племен превращались в крупных собственников-феодалов, эксплуатировавших пастухов-издольщиков на феодальной основе. Наряду с господством феодальных отношений сохранялись некоторые пережитки родовых экономических отношений, что дает основание говорить о патриархально-феодальной эксплуатации в кочевых племенах. Было широко распространено также патриархальное рабство. «Борьба развивавшегося феодального уклада с отжившим патриархально-родовым», — пишет автор, — составляла основное содержание общественно-экономической жизни племени».

Рассматривая организацию власти внутри кочевых племен, автор отмечает, что и для нее характерно «переплетение отношений классового господства с пережитками патриархально-родового строя». Он показывает права и обязанности шейха племени, организацию его дружины, функции военачальника — акида и судьи — арифа, а также совета старейшин, считавшегося высшим органом власти. В статье рассматриваются также некоторые черты идеологии бедуинов: представление о превосходстве кочевников над земледельцами и др.

В целом статья А. И. Першица содержит богатый, интересный материал. Автор рисует яркую картину патриархально-феодальных отношений у кочевников Северной Аравии в XIX — первой четверти XX в.

Статья И. М. Смилянкой посвящена рассмотрению вопроса о разложении феодальных отношений в Сирии, Ливане и Палестине в середине XIX в. Автор показывает, что в первой половине XIX в. в этих странах господствовал феодальный способ производства. Но к середине XIX в., когда Сирия, Ливан и Палестина стали объектом экспансии английского и французского капитала, феодальные производственные отношения находились в стадии разложения, возникал капиталистический уклад. Об этом свидетельствует ряд фактов: разрушение натурального хозяйства, рост специализации и товарности крестьянского хозяйства, обезземеливание крестьянства и превращение значительной его части в наемщиков, появление наемного труда в сельском хозяйстве и начало складывания единого сирийско-ливанского рынка наемного труда, а также появление наемных рабочих в ремесленных мастерских и зарождение капиталистической мануфактуры. Элементы капиталистических отношений зародились в промышленности раньше, чем в сельском хозяйстве. Но конкуренция фабричных европейских товаров в первой половине XIX в. привела к быстрому подрыву ремесла и мануфактур, особенно в старинных ремесленных центрах — Халебе и Дамаске. Иностранный капитал подчинял своим интересам экономическое развитие этих стран. Результатом этого было разорение промышленности и обнищание крестьян. К возросшему феодальному гнету прибавилась эксплуатация иностранного капитала. Все это тормозило развитие новых производительных сил, способствовало консервации феодальных форм эксплуатации. Процессы, происходившие в экономических отношениях в середине XIX в. в Сирии, Ливане и Палестине, аналогичны процессам, происходившим и в других странах Передней Азии, в частности в Турции и Иране.

Статья И. М. Смилянкой написана главным образом на основании сведений западноевропейских и русских путешественников и исследователей. Используются также материалы архива внешней политики России (фонд посольства в Константинополе). Что касается арабских источников, то на них имеются всего три ссылки (№ 52, 70 и 78) из общего количества 119. В статье встречаются отдельные неудачные формулировки. Например, на стр. 159 автор пишет о середине XIX в.: «Тесные торговые связи возникали между городами и прилегающими к ним сельскохозяйственными округами». На основании такого высказывания можно подумать, что эти связи стали возникать только в первой половине XIX в., в действительности же они существовали истари. На стр. 160 возникшая национальная торговая буржуазия почему-то называется в кавычках «руководителем» начавшегося процесса сложения единого рынка в пределах Сирии, Ливана и Палестины, хотя эта буржуазия действительно играла роль руководителя. Основные же выводы статьи И. М. Смилянкой не вызывают возражений.

В сборнике напечатаны два очерка об иранских курдах. Первый из них, статья известного советского специалиста по курдскому вопросу О. Л. Вильчевского, представляет этнографический очерк о мукринских курдах. Мукринский Курдистан, как пишет автор, «принадлежит к числу малопроследованных курдских районов Ирана» (стр. 180). Между тем изучение его представляет большой интерес в связи с местоположением между Ираном и Ираком; следует также учитывать многообразные экономические, этнические, культурные и политические связи с соседними курдскими районами. Кроме того, эта часть Курдистана играет важную роль в общенациональном демократическом и курдском национально-освободительном движении. Интересно, что на данной территории сочетается кочевой, полукочевой и оседлый сельский и городской образ жизни курдов. Статья написана Вильчевским на основе личных наблюдений во время его поездок в Курдистан в 1942—1946 гг., сведений, полученных от мукринских курдов, а также литературы на русском, персидском, курдском и европейских языках.

В очерке приводятся приблизительные данные о численности населения Мукринского Курдистана (300—400 тыс. чел., в том числе 50—60 тыс. городского населения, 150—200 тыс. кочевников). Характеризуется племенной состав населения, перечисляются аширетные (т. е. образовавшиеся в основном из аширета — военной дружины главы племени) и райятные (мирные, не располагающие военными силами) курдские племена и роды, а также другие, некурдские племена и народности, населяющие территорию Мукринского Курдистана.

В разделе «Хозяйство и общественные отношения» описываются природные условия края, основные земледельческие культуры, система полеводства и техника земледелия, скотоводство, составляющее основное занятие кочевых и полукочевых курдских племен, характерное для курдов горное кочевание, а также несельскохозяйственные занятия населения и существующие мелкие предприятия легкой промышленности. Автор рассматривает родоплеменную структуру курдских племен, подчеркивая, что она сохраняется не только у кочевников-скотоводов, но также в среде оседлых земледельцев и частично даже среди городского населения. Он указывает, что помещикам принадлежат 95% обрабатываемых земель, превратившихся в феодальную собственность. Характеризуя отношения между крестьянами и помещиками, Вильчевский перечисляет повинности крестьян в отношении помещиков (барщина, различные феодальные натуральные повинности и т. д.). Из этих данных ясно, что в области аграрного строя в Мукринском Курдистане до сих пор господствуют феодальные отношения. Между тем в очерке отношения между безземельными крестьянами и помещиками определяются только как полуфеодальные. Нам кажется, что в данном случае здесь несколько смазывается феодальный по существу характер этих отношений. На стр. 192 говорится о росте капиталистических отношений и расслоении крестьянства. Но автор не дает

ссылки на источники приводимых им данных об удельном весе батраков, бедняков, середняков, зажиточных крестьян и кулаков. Неизвестно, откуда взяты эти цифры, поэтому трудно судить, насколько они достоверны. Во всяком случае ввиду отсутствия в Иране налаженной сельскохозяйственной статистики эти данные можно считать только сугубо ориентировочными.

В разделе о материальной культуре характеризуются жилища курдов в долинах и высокогорных районах, шатры курдов-кочевников, мужская и женская одежда, пища. Очень хорошо и красочно описываются характер, жизнь и быт центра Мукринского Курдистана — г. Мехабада. На стр. 204 автор приводит подробный рассказ Ж. де Моргана о ежегодном весеннем празднике «ложного эмира» в Соуджбулаге (Мехабаде). К сожалению, в статье не говорится, каковы истоки и смысл этого праздника. Автор приводит подробные сведения о родовом и семейном быте, о положении женщины, о религии и погребальных обрядах, о языке, литературе и фольклоре мукринских курдов.

Выводы и оценки автора основаны на большом фактическом материале. Но при чтении статьи возникают некоторые вопросы, ответа на которые мы в ней не находим. Так, О. Л. Вильчевский не говорит, на какой стадии развития этнической общности находятся мукринские курды, каково их отношение к другим курдским племенам, как далеко зашел процесс консолидации курдов в единый народ или нацию. А вопросы эти представляют большой интерес. Имеются в статье некоторые нечеткие и неточные положения и формулировки. На стр. 203 читаем: «Во главе буржуазной верхушки города стоит род наследственных мехабадских кази». Однако автор не сообщает, чем же определяется буржуазный характер рода мехабадских кази. В таком виде данное утверждение выглядит необоснованным. На стр. 205 автор пишет, что численность населения Сердашта — города в юго-западном углу Мукринского Курдистана — «выше 2 тыс. армян и айсоров». Но разве в Сердаште нет курдов и там живут только армяне и айсоры? На той же странице сообщается, что г. Саккыз расположен на запад от Бане. На самом же деле этот город находится к северо-востоку от Бане. Имеются случаи неправильного написания местных названий и терминов. Например, Шахиндедж вместо Шахиндеж (стр. 205), шаристан вместо шахристан (стр. 201). Жаль, что в статье не дается карты Мукринского Курдистана. Но все эти недочеты несколько не снижают ценности и интереса статьи О. Л. Вильчевского.

Другая статья о курдах, напечатанная в сборнике, — «Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана» Т. Ф. Аристовой. В очерке даются сведения о населении и территории Иранского Курдистана, об основных занятиях курдов (скотоводство и земледелие, лесной промысел и ремесло). Рассматриваются общественные отношения у иранских курдов (господство феодальных производственных отношений и пережитки патриархальных отношений среди кочевых и полукочевых племен), формы земельной собственности, объединение курдов-кочевников для выпаса скота в «оба» — временную кочевую общину, переход курдов на оседлость. Подробно описывается материальная культура иранских курдов: их жилище, шатры кочевников и полукочевников, женский и мужской костюм, пища, рассматривается семейный быт курдов, разделение труда в семье, формы брака, свадебные и похоронные обряды, праздники, право наследования.

В разделе о духовной культуре в очерке отмечается, что большинство иранских курдов — мусульмане-сунниты и лишь обитающая на юге Иранского Курдистана часть курдских племен придерживается шиизма. Описываются широко распространенные в Курдистане дервишские ордена и радения дервишей, даются сведения о вероучении сект али-аллахи и йезидов. Кратко излагаются приметы и поверья, обычай кровной мести, приводятся данные о курдском народном творчестве, фольклоре, песнях, танцах, употребляемых курдами музыкальных инструментах и т. д. Характеризуя в общих чертах состояние народного образования в Иранском Курдистане, Т. Ф. Аристова сообщает, что обучение в школах ведется не на родном — курдском, а на персидском языке. Отмечается крайняя ограниченность школьной сети в Курдистане, в результате чего значительная часть курдского населения остается неграмотной, в школах главным образом учатся дети курдской городской верхушки. В заключении статьи приводятся краткие сведения об изданиях на курдском языке. В очерке Т. Ф. Аристовой имеется интересный материал о культуре и быте иранских курдов, но в некоторых случаях (например, в разделах о материальной культуре, семейном быте и в др.) он частично совпадает с данными аналогичных разделов статьи О. Л. Вильчевского. Название статьи «Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана» не вполне соответствует ее содержанию — в статье речь идет в большинстве случаев о курдах вообще, а не специально о курдских крестьянах. В статье имеются и некоторые неудачные выражения, ошибки. На стр. 255, например, говорится, что «начавшаяся в 1880 г. битва курдов племени мангор с курдами племени мамаш длилась на протяжении многих лет». Очевидно, в течение многих лет длилась не одна битва, а не прекращающаяся вражда между этими племенами. На стр. 225 в сноске 10 говорится, что автором «Военной географии» Ирана является М. Кейхан, в действительности же автор ее — А. Размара.

В «Сборнике» напечатан сделанный Н. А. Кисляковым перевод с персидского собрания существующих в странах Передней Азии поверий, обычаев и обрядов, подготовленного известным прогрессивным иранским писателем Садеком Хедаятом, который издал их в Тегеране в 1932 г. под названием «Нейрангестан» (Страна волшебства). Это название было дано Хедаятом по имени религиозной пехлевийской книги сасанид-

ского периода, включавшей молитвы и заклинания. Как отмечает Н. А. Кисляков в своем предисловии к переводу, сборник Хедаята является первой в Иране книгой по этнографии и фольклору, содержащей большой материал о поверьях, обычаях и обрядах, бытующих в Иране. С. Хедаят в своем предисловии пишет, что, по его мнению, опубликование суеверий и предрассудков является лучшим способом борьбы с ними. Он проводит различие между вредными суевериями и предрассудками, с которыми следует вести борьбу, и старинными народными обрядами, празднествами и обычаями, вроде ноуруза (новогодние празднества), мехрегана (празднование осеннего равноденствия), старинных праздников зажигания огней и др., которые, как он считает, следует поощрять, так как они «украшают жизнь». К сожалению, Н. А. Кисляков не дает перевода этого интересного во многих отношениях предисловия Хедаята к «Нейрангестану», ограничившись кратким его изложением. Н. А. Кисляков указывает, что, хотя Хедаят во многих местах цитирует и ссылается на Авесту, сасанидские зороастрийские книги («Бундехеш», «Динкерт», «Миухеред» и др.), а также на литературу периода после установления ислама в Иране («Вис ва Рамин», «Кабус наме», труды Табари и Нершахи, приписываемую Омару Хайяму «Ноурузнаме», различные словари и др.), все же трудно судить в целом о характере материала, послужившего Хедаяту источником для его сборника. Садек Хедаят, к сожалению, не указывает, где и как собирались его материалы, хотя несомненно, что значительная их часть взята действительно из народной жизни. Несмотря на некоторые недостатки, книга Хедаята представляет значительный интерес, и опубликование ее перевода следует признать вполне оправданным. В предисловии Н. А. Кислякова следовало бы указать на то, что большое число различных суеверий и предрассудков, живущих до сих пор среди народов Ирана, связано с общественно-экономической и культурной отсталостью страны, с низким уровнем просвещения, с темнотой и приниженностью широких народных масс и что консервация этих предрассудков обусловлена засильем иностранного капитала и господством феодальных пережитков в Иране.

Перевод «Нейрангестана» дан Н. А. Кисляковым с сохранением 23 разделов книги почти полностью, за исключением незначительных сокращений и пропусков некоторых цитат. Перевод в общем сделан хорошо, но в отдельных случаях имеются неточности. Например, название раздела 12 «Ахкам-е оуми» переведено «общественные установления», тогда как это значит «общие установления» или «общие предписания» (стр. 290). Название раздела 13 «Дастурха ва ахкам-е амали» переведено «обычай и практические действия», точнее же было перевести «обычай и практические предписания». В некоторых случаях дается искаженная транскрипция персидских слов (так, на стр. 314, 317 переводчик почему-то пишет: «таарих» вместо «тарих»).

Вызывает возражение перевод некоторых названий птиц и биологических терминов, на что обратил наше внимание М. Г. Асланов. На стр. 308 Н. А. Кисляков переводит «кабиль» — «дрофа», тогда как следует перевести «стриж». На той же странице «качал кербас» он переводит «лысый коршун» вместо — «черный гриф» (стервятник). В ряде случаев персидское название птиц и биологических терминов вообще не переведено, хотя сделать это можно; например, на стр. 306 и 308 не переведено «сабз каба» (сизоворонка)¹, на стр. 303 — «кустарник харзахра» (олеандр)², на стр. 309 — «птица хак» (сова, филин)³ и «хомай» (скопа)⁴. Н. А. Кисляков не всегда дает в своих примечаниях необходимые пояснения (например, на стр. 290, сн. 143, не поясняется, что значит «Фалаке Ассаада», на стр. 329 — «Суди гарнаск», на стр. 330 — «письма Саламан и Абсалья» и др.). Но отдельные недочеты не могут умалять значения и ценности проработанной Н. А. Кисляковым работы по переводу и изданию «Нейрангестана» С. Хедаята.

В целом «Переднеазиатский этнографический сборник» нужно признать значительным вкладом в изучение культуры и быта народов Передней Азии. Вслед за томом «Народы Передней Азии» из многотомной серии «Народы мира» этот сборник является второй весьма полезной коллективной работой Института этнографии АН СССР о народах Передней Азии.

М. С. Иванов

Salinity and irrigation agriculture on Antiquity. Diyala Basin archeological Project. Report on essential Results. June 1. 1957 to June 1. 1958. 105 стр.

В 1957—1958 гг. археологами Ирака (Directorate General of Antiquities of Iraq) совместно с сотрудниками Восточного института Чикагского университета были проведены в Ираке комплексные археологические и почвенно-ботанические исследования древних ирригационных систем и поселений для выявления исторических причин запустения и засоления обширных территорий бассейна р. Дияла. В исследованиях, кроме

¹ См. S. Naim. New persian-english dictionary, т. 2, Tehran, 1936, стр. 20.

² См. Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, 2 изд., М., 1953, стр. 191.

³ См. «Фарханг-е амугар», Тегеран, 1333, стр. 711.

⁴ См. S. Naim, Указ. раб., стр. 869 и 1202.